

Николай Михайлович Карамзин

Моя исповедь

Николай Карамзин
Моя исповедь

«Public Domain»

1802

Карамзин Н. М.

Моя исповедь / Н. М. Карамзин — «Public Domain», 1802

«...Я намерен говорить о себе: вздумал и пишу — свою исповедь, не думая, приятна ли будет она для читателей. Нынешний век можно назвать веком откровенности в физическом и нравственном смысле: взгляните на милых наших красавиц!.. Некогда люди прятались в темных домах и под щитом высоких заборов. Теперь везде светлые дома и большие окна на улицу: просим смотреть! Мы хотим жить, действовать и мыслить в прозрачном стекле...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Николай Михайлович Карамзин

Моя исповедь

Письмо к издателю журнала

Признаюсь вам, государь мой, что я не читаю вашего журнала, а желаю, чтобы вы поместили в нем мое письмо. Для чего? Сам не знаю. Более сорока лет живу на свете и никогда еще не давал себе отчета ни в желаниях, ни в делах своих. Великое слово «так» было всегда моим девизом.

Я намерен говорить о себе: вздумал и пишу – свою исповедь, не думая, приятна ли будет она для читателей. Нынешний век можно назвать веком *откровенности* в физическом и нравственном смысле: взгляните на милых наших красавиц!.. Некогда люди прятались в темных домах и под щитом высоких заборов. Теперь везде светлые дома и большие окна на улицу: просим смотреть! Мы хотим жить, действовать и мыслить в прозрачном стекле. Ныне люди путешествуют не для того, чтобы узнать и верно описать другие земли, но чтобы иметь случай поговорить о себе; ныне всякий сочинитель романа спешит как можно скорее сообщить свой образ мыслей о важных и неважных предметах. Сверх того, сколько выходит книг под титулом: «Мои опыты», «Тайный журнал моего сердца»! Что за перо, то и за искреннее признание. Как скоро нет в человеке старомодного варварского стыда, то всего легче быть автором исповеди. Тут не надобно ломать головы; надобно только вспомнить проказы свои, и книга готова.

Однако ж не думайте, чтобы я хотел оправдываться примерами; нет, такая мысль оскорбительна для моего самолюбия. Следую только собственному движению и замечаю мимоходом, что оно некоторым образом согласно с общим; но сохрани меня бог казаться рабским подражателем! Для того, в противность всем исповедникам, наперед сказываю, что признания мои не имеют никакой нравственной цели. Пишу – так! Еще и другим отличусь от моих собратьев – авторов, а именно краткостью. Они умеют расплодить самое ничто; я самые важные случаи жизни своей опишу на листочке.

Начну уверением, что натура произвела меня совершенно особенным человеком и что судьба все случаи жизни моей запечатлела какою-то отменною печатью. Например, я родился сыном богатого, знатного господина – и вырос шалуном! Делал всякие проказы – и не был сечен! Выучился по-французски – и не знал народного языка своего! Играл десяти лет на театре – и в пятнадцать лет не имел идеи о должностях человека и гражданина.

На шестнадцатом году дали мне изрядный чин и отправили меня в чужие край, не сказав для чего. Правда, что со мною поехал гофмейстер, женевец (прошу заметить, а не француз, потому что в это время французские гувернеры в знатных домах наших выходили уже из моды), которому даны были все нужные наставления. Господин Мендель знал, к чему по большей части готовится знатный молодой человек, а всего более знал свои выгоды – и поступал со мною вследствие своего благоразумного плана. Надобно отдать ему справедливость: он любил искренность и немедленно со мною объяснился. «Любезный граф! – сказал мне гофмейстер. – Природа и судьба уговорились сделать тебя образцом любезности и счастья; ты прекрасен, умен, богат и знатен; довольно для блестящей роли в свете! Все прочее не стоит труда. Мы едем в Лейпцигский университет; родители твои, следуя обыкновению, желают, чтобы ты украсил разум свой знаниями, и поручили тебя моему смотрению; будь спокоен! Я родился в республике и ненавижу тиранство! Надеюсь только, что моя снисходительность заслужит со временем твою признательность». Я обнял его и обещал ему такую пенсию, какая не всегда дается и министру за долголетнюю службу.

Приехав в Лейпциг, мы спешили познакомиться со всеми славными профессорами – и нимфами. Гофмейстер мой имел великое уважение к первым и маленькую слабость к послед-

ним. Я взял его себе за образец – и мы одним давали обеды, другим – ужины. Часы лекций казались мне минутою, оттого что я любил дремать под кафедрою докторов, и не мог их наслушаться, оттого что никогда не слушал. Между тем господин Мендель всякую неделю уведомлял моих родителей о великих успехах дражайшего сына их и целые страницы наполнял именами наук, которым меня учили.

Наконец, прожив три года в Лейпциге, мы отправились путешествовать, наняв секретаря для описания любопытных предметов, ибо господин Мендель был ленив. Родители мои из каждого города получали от нас толстые пакеты, не могли нарадоваться умными замечаниями своего сына и с гордостью читали их нашим родственникам. Я не виноват был ни в одной строке, уполномочив секретаря своего философствовать вместо меня (к счастью, рука его совершенно на мою походила), но к некоторым его описаниям прибавлял от себя выразительные карикатуры – произведение единственного таланта, данного мне натурою!

Однако ж я наделал много шуму в своем путешествии – тем, что, прыгая в контрдансах с важными дамами немецких княжеских дворов, нарочно ронял их на землю самым неблагопристойным образом, а всего более тем, что, с добрыми католиками целуя туфель папы, укусил ему ногу и заставил бедного старика закричать изо всей силы. Эта шутка не прошла мне даром, и я высидел несколько дней в крепости св. Ангела.^[1] Обыкновенная же забава моя дорогою была – стрелять бумажными шариками из духового пистолета в спину постиллионам!

В Париже я вошел в связь со многими из славных ветреников и нашел способ удивить их как смелою своею философию, так и всеми тонкостями языка повес, всеми его техническими выражениями, заимствованными мною по большей части от господина Менделя, который служил некогда домашним секретарем герцога Ришельё. Будучи введен в некоторые хорошие дома, я имел случай узнать и славнейших французских остроумцев; слышал однажды чтение Лагарповой «Мелании», хвалил без памяти талант автора и после сведал, что он в письме своем к одному знатному человеку в П* (без сомнения, из благодарности) описывал меня редким молодым человеком, рожденным для чести и славы отечества. Я имел счастье быть представлен герцогу Орлеанскому, ужинать с его избранными друзьями и разделять забавы их, достойные кисти нового Петрония.

^[1] *Крепость св. Ангела.* – Так называлась тюрьма в Риме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания